

— На последнее лето, думалось мне, я вернулся в Ладушкин. Ну, в гости, может, ещё когда съезжу, всё же здесь остаются друзья, все с квартирами, примут всегда с радостью.

— Предстояло писать диссертацию, работа была в основном закончена и одобрена Борисом Евгеньевичем. Предстояло принимать гостей: в Ладушкин собирались приехать на летний отдых семейства Ляцких и Брюнелли, которым я в ярких красках живописал прелести здешних мест и обещал устроить жильё - многие из знакомых разъезжались на время летних отпусков и оставляли ключи от своих квартир.

На Бальге в июне 1969 года. Юра Шагмуратов, Стасик и Валя Тихомировы, практикантка Наташа и Лия Силячевская

Сашенька и Валя Тихомирова

Вскоре после моего приезда из Ленинграда, числа где-то 13 - 14-го июня, наша ладушкинская компания (Тихомировы, Чмырёвы, Силячевская, мы с Сашенькой) собралась с ночёвкой на Бальгу. На станции взяли большую палатку, резиновую лодку, и Костя Старостин отвёз нас на Бальгу на стационарном фургоне. Стоял тёплый июнь, вода в

заливе уже прогрелась, вполне можно было купаться, ну а мы с Виталиком, конечно, надеялись порыбачить. Лодка оказалось худой, сколько Виталька с ней ни возился, надёжно заклеить проколы не удалось, и мы решили ловить традиционным способом - взабродку в камышах. Правда, камышовые заросли находились довольно далеко от нашего бивака - место выбирали прежде всего для купания, поэтому вечером порыбачить не удалось. Пока разбивали палатку, заготавливали дрова, разводили костёр, солнце село, и на рыбалку уже времени не оставалось, пока дошли бы - уже стемнело. Ну а спозаранку, ещё до восхода, на зоре мы с удочками помчались в камыши.

— Утро было идеально тихое, рыба плескалась повсюду вокруг - и на открытой воде, и в камышах. Мы предвкушали успех мероприятия. Закинули удочки сначала у края камышей, на открытой воде, где поглубже, но клёва не было. А сзади, в камышах, рыбы всплески учащались. Полезли в гущу камышей, где глубина была всего по колено, а кое-где и меньше. Рыба явно вся собралась здесь, над чистыми участками дна её было хорошо видно, но на крючки с наживкой она не обращала никакого внимания, ни на хлеб, ни на червя. Наконец, я выловил одну крупную плотву, схватившую таки сдуру насадку. Когда я взял её в руки, из анального отверстия струей брызнула икра. "Э, да она, похоже, нереститься собралась!" - сообразили, наконец, мы с Виталькой.

— И, действительно, вскоре, часа через два после восхода солнца, вода вокруг нас буквально закипела. Рыба лезла на мелководье, где яростно билась о пучки камышей и друг о друга, собираясь рядом по две-три штуки. Поколотившись так несколько секунд, рыбины замирали в изнеможении на некоторое время, а потом продолжали своё священнодействие. На нас они практически не обращали внимания. Правда, когда мы пытались подойти вплотную к отдохавшим экземплярам, они собирались с силами и как бы нехотя отплывали на метр-другой в сторону, так что схватить их вначале никак не удавалось. А потом мы приспособились: стоишь себе неподвижно, и какая-нибудь пара обязательно подплывает и начинает биться прямо об твои ноги, а как только затихнет - наклоняйся и хватай руками. При этом замирают они, не отходя друг от друга, буквально прижавшись боками. Несколько раз нам удавалось схватить по паре, беря сразу обоих в охапку за бока. В основном это была крупная густера, реже плотва. Поймав таким образом десятка два рыбин, мы не стали больше браконьерничать - всё же это не рыбалка, а на уху и так хватало. Солнце уже пекло всюду, и мы пошли поднимать остальных загорать и купаться.

— В конце июня приехали Ляцкие с детьми - Юлей и полугодовалым Артуром. Поселились они в свободной квартире Шагимуратова, плававшего в том году на "Курчатове". Ознакомившись с окрестностями Ладушкина, Славик не преминул съязвить:

— Ты же говорил - на берегу залива, а до залива час переться нужно.

— Это с коляской, и если в Шилино. А до Берегового - 35 минут спокойной ходьбы. И потом я говорил, что станция на берегу залива, а не жилой дом.

— Ну, ладно, посмотрим, как тут у вас с рыбалкой.

— Славик был заядлый рыбак, на Севере любил сутками напролёт обегать со спиннингом отдалённые за десятки километров от Апатит безлюдные озёра, охотясь в основном на щук, а в Лопарской с удочкой ходил вдоль речек и ручьёв и ловил форель. На заливе в камышах ему рыбачить не понравилось - техника ловли была непривычной, я таскал краснопёрку одну за другой, а у него не получалось, к тому же он хотел ловить по-своему, полагаясь на свой опыт, но ничего не выходило.

— Да и что это за рыба - плотва! Ты же говорил, что у вас тут щуки много.

— За щуками мы поехали автобусом на Прохладную, с ночёвкой. Отошли километра три вверх от Ушакова и начали спиннинговать. Лишь на заходе солнца Славика удалось подцепить щуку примерно на килограмм, у меня же и поклёвок не было. На ночь развели костёр, из головы, хвоста и плавников щуки сварили уху, забросили донки, сидели, болтали о том, о сём. Вдруг зазвенел колокольчик.

— Коровы, тут бродят, что ли? - высказал я дикую мысль, и тут до меня дошло: - Это же донка звенит!

— Бросились к крайней донке - что-то есть. Вытаскиваем - уже на берегу с крючка сорвался щурёнок на полкилограмма.

— На червя взял, что ли?

— Крючок был вообще голый.

— Наверное, мелочь какая-нибудь сначала села, а потом её щурёнок схватил.

— Больше колокольчик нас не беспокоил. От тепла костра и сытости мы разморились и уснули. Проснулись перед восходом от холода, обычного в предутренние часы на реке. Проверили донки. Крючки обглоданы, но ничего не поймалось. Светало, и мы взяли за спиннинги. Славик умчался от места ночёвки куда-то далеко, и вскоре его не было ни видно, ни слышно. Часа два я старательно, но безуспешно блеснил. Встало солнце и принялось жарить меня, одетого с ночи в телогрейку и уже достаточно согретого блеснометанием. Я разделся и полез в воду купаться, решив плюнуть на щук. Вскоре появился Славик, весь взмыленный. Его упорство было вознаграждено парой щурят. Он тоже искупался, мы ещё малость подремали и отправились домой.

— Славик с Аллочкой часто ходили с детьми в лес загорать, собирать землянику, у них был законный отпуск. Я же продолжал ездить на работу на станцию, писал свой труд, так что порыбачить со Славой удалось ещё только раз. К тому же приехали Сашенькины родители, нужно было уделять время и им. Тесть мой, правда, уже самостоятельно ездил рыбачить на залив у станции или на Прохладную и однажды так увлёкся, что опоздал на последний автобус в Ладушкин, шёл пешком и пришёл домой за полночь. Дома, конечно, уже волновались, а Николай Степанович был весел, гордо вывалил улов в раковину на кухне:

— Ну разве можно было оторваться? Такой клёв!

— Как-то они поехали вместе со Славиком на Прохладную. Славик на щук, а Николай Степанович - ловить плотву, но взял с собой и свой новый спиннинг - потренироваться бросать, так как раньше он этим делом не занимался. Тесть остался прямо в Ушакове, у моста, а Славик отправился в верховья. Обегал всю речку и ничего не поймал, а Николай Степанович сделал всего несколько забросов и вытащил щуку, первую в своей жизни. Он искренне удивился, что Славик ничего не поймал:

— Ну, я думал, Вы мешок притащите, раз уж я сумел одну выловить.

— Бывает и на старуху проруха, - отвечал Славик, делая вид, что несколько не огорчён.

— Но ещё большая неудача постигла нас, когда мы со Славой попытались рыбачить на лесном озере у Пёрышкина. Мы отправились туда как-то вечером со спиннингами. Решили попробовать поблеснить на ближайшем, большом озере. Одной своей стороной это озеро подходило к железной дороге, точнее к лесной дороге между Ладушкиным и Пёрышкиным, проходящей рядом с железной дорогой, а другой - вплотную примыкало к огороженной колючей проволокой территории воинской части. Вообще-то и со стороны дороги на берегу озера стоял (а чаще лежал) дряхлый столб с заржавленной вывеской "Запретная зона", но на него обычно никто внимания не обращал, хотя иной раз из-за колючей проволоки часовые покрикивали рыбакам, чтобы сматывались отсюда, а то стрелять будут. Рыбаки были уверены, что озеро и рыбу в нём охраняют для офицеров части, многие из которых сами были заядлыми любителями рыбалки.

— Мы со Славой разошлись по берегу, я - налево, он - направо, и из-за кустов и деревьев друг друга не видели. По дороге протарахтел трактор. Слышно было, как он остановился где-то недалеко от Славы, какой-то разговор, потом трактор снова затарахтел и проехал в обратную сторону. Вскоре я решил сменить место и направился в сторону Славика, но нигде его не нашёл, на крики он тоже не отзывался. Может, на маленькое озеро ушёл? Сбежал туда - нету. Уж не забрали ли его?

— Я отправился в Ладушкин и вместо рыбы принёс Аллочке весть, что Слава потерялся. Искать надо скорее всего в воинской части. "Да, может, так отпустят?" - высказала

надежду Валя Тихомирова. Решили подождать. И вскоре явился... не Славик, правда, а солдат за Славиным паспортом. Слава же появился часа через два после этого.

— Ну и бдительный народ у вас тут! - рассказывал он. - Эти двое, что на тракторе, обыкновенные работяги, не поленились остановиться, потребовали документы. А откуда они у меня? Спрашивают, кто такой? (А у Славика вид был явно не местный, и даже не русский, да ещё борода клинышком, японская куртка, вполне мог за иностранца сойти.) В гостях здесь в Ладушкине отдыхаю. У кого? У Тихомировых из ИЗМИРАНа.

Намгаладзе я решил не называть, мало ли что. Не видите, что ли, что здесь запретная зона, говорят. А столб и в самом деле рядом. Поехали, говорят, с нами. И отвезли в часть, привели к дежурному. Я сказал, где квартирую. Тот послал за моим паспортом. Когда паспорт принесли, дежурный (майор какой-то) изучил его и спрашивает: "А что это Вы - прописаны постоянно в Ленинграде, работаете в пограничной области - Мурманской и отдыхать сюда приехали - поближе к границе?" "Да, случайно, - говорю. - Просто друзья здесь живут." Прочитал он мне мораль про пограничный режим и запретные зоны и отпустил с Богом."

([продолжение следует](#))